

ПАВЕЛ САНАЕВ

ПАВЕЛ САНАЕВ
ХРОНИКИ
РАЗДОЛБАЯ
ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ
ЗА ПЛИНТУСОМ 2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44
С18

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Санаев, Павел.

С18 Хроники Раздолбая. Похороните меня за плитусом-2 : [роман] / Павел Санаев. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 480 с.

ISBN 978-5-17-077940-6 (С.: ПС)
(Оформление: Александр Шпаков)

ISBN 978-5-17-079313-6 (С.: ПС-2)
(Оформление: Андрей Фerez. На обложке использована работа художника Сергея Алибекова)

Перед вами — продолжение культовой повести Павла Санаева «Похороните меня за плитусом». Герой «Плитуса» вырос, ему девятнадцать лет, и все называют его Раздолбаем.

Раздираемый противоречивыми желаниями и стремлениями, то подверженный влиянию других, то отстаивающий свои убеждения, Раздолбай будет узнавать жизнь методом проб и ошибок. Проститутки и секс, свобода, безнаказанность и бунт — с одной стороны; одна-единственная любимая девушка, образованные друзья и вера в Бога — с другой.

Наверное, самое притягательное в новом романе Павла Санаева — предельная искренность главного героя. Он поделится с нами теми мыслями и чувствами, в которых мы боимся сами признаться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

© Санаев П.
© ООО «Издательство АСТ»

Посвящается моей жене Алене

ГЛАВА ПЕРВАЯ

11 августа 1990 года Раздолбай проснулся чуть раньше обычного — в полвторого дня. Солнце за окном было жаркое и белое. Над асфальтом Ленинградского проспекта висел синеватый от грузовой гари воздух. Люди давно ходили по улицам, потели и устало вздыхали. А Раздолбай только открыл глаза. От долгого, тяжелого сна его чувства как будто затупили чем-то увесистым. Он полежал, понял, что заснуть больше не получится, и поплелся на кухню затачивать отупевшие чувства крепким кофе.

На следующий день Раздолбаю исполнялось девятнадцать. Родители, точнее мать и отчим, заранее сделали ему подарок и уехали на книжную ярмарку во Францию, чтобы утром бродить в золотистом парижском тумане, днем удивляться магазинам, а вечером представлять книги крупного советского издательства, директором которого отчим работал большую часть жизни. Трехкомнатная квартира на Ленинградке вторую неделю была в полном распоряжении Раздолбая, но радости от этого он не испытывал. Наливая кофе, он в который раз думал, что свободная квартира — это повод позвать друзей и девушек, пить шампанское, танцевать, обнимать девушек на диванах в полутемных комнатах... Как получилось, что к девятнадцати годам у него нет ни девушек, ни друзей?

Хотя Раздолбаю было без одного дня девятнадцать, выглядел он младше своих лет и был из тех субтильных юношей, в которых есть что-то птичье. Это птичье в себе Раздолбай не-

навидел и панически боялся раздеваться на людях. На пляж он не ходил, в баню и бассейн тоже. В военкомат ему пойти пришлось. Там его раздели и выставили в коридор, полный мускулистых организмов. От смущения у Раздолбая пропал голос и, представ перед комиссией, он с трудом пробормотал: «Призывник такой-то для прохождения медицинского освидетельствования прибыл». Военврачу это не понравилось. Он ткнул Раздолбая меж костлявых ребер заскорузлым пальцем и пообещал отправить в Афганистан.

— С Афганистаном опоздали уже, Михаил Трофимыч, выводят наш контингент, — напомнил краснолицый полковник, похожий на краба с этикетки дефицитных консервов.

— Значит, погранцом в Таджикистан отправится. Им нужны доходяги — собак кормить.

Полковник и военврач весело рассмеялись, а у «призывника такого-то» окончательно пропал голос. В Таджикистан, как, впрочем, и в армию, Раздолбая не отправили из-за бронхиальной астмы и хронического заболевания почек.

Родного отца Раздолбай не знал. По воспоминаниям матери, папа считался весельчаком, но семейная жизнь и рождение сына засушили его веселость на корню. То и дело он впадал в тоску и угрюмо молчал по несколько дней кряду.

— Тоска-а-а... — протянул как-то отец, глядя на ползающего в манежике Раздолбая и сидящую рядом с книжкой мать. — Вот же тоска беспросветная! Удаться, что ли?

— Ну удаться, — ответила мать, не отрываясь от книжки.

Отец вышел из комнаты, снял на кухне бельевую веревку и, привязав ее к верхней петле входной двери, сноровисто смастерил удавку.

— Галь! — позвал он. — Поди сюда!

— Зачем?

— Ну поди, покажу чего.

Мать подошла. Отец накинул петлю на шею и, сказав: «Вот тебе!», повалился плашмя. Веревка лопнула, как струна, придушенный отец врезался подбородком в ящик для обуви и сломал себе челюсть. В больнице ему связали зубы проволо-

кой, мать каждый день носила туда бульоны и протертые супы, а когда челюсть срослась, подала на развод. Отец не возражал и с тех пор не появлялся. Алименты, впрочем, он присылал исправно, и, сложив последние три перевода, мать даже купила Раздолбаю на шестнадцатилетие фотоаппарат «Зенит».

До пяти лет они жили вдвоем. Мама уходила на работу и оставляла его с нянечкой — безответной старушкой, которую Раздолбай бил по спине деревянной лопаткой и обстреливал из пластмассовой пушки разноцветными ядрами. Неприязнь объяснялась просто: путая причину и следствие, Раздолбай думал, что мама уходит потому, что с ним должна побыть эта скучная бабка. Недоразумение лишило бы старушку остатков здоровья, но мама объяснила, в чем дело, и в заключение добавила:

— Если я не буду ходить на работу, что мы будем жрать?

Слова «жрать» и «работа» слились было в сознании Раздолбая в одно целое, но тут появился дядя Володя. Он женился на маме, перевез их в свою трехкомнатную квартиру в районе метро «Динамо», а зарабатывал так много, что маме можно было ничего не делать и при этом жрать сколько угодно. Работать мама, однако, не бросила. Она была музыкальным педагогом, любила свое дело и на предложение сидеть дома с ребенком ответила отказом. На работу она, впрочем, ездила теперь на такси. Расходы на транспорт превышали ее зарплату, и дядя Володя со смехом говорил, что она единственный человек, который работает и еще за это приплачивает.

Мамина «однушка» в Химках, где Раздолбай провел первые пять лет жизни, осталась свободной. Дядя Володя предлагал смениться на четырехкомнатную, но мама сказала, что пусть, когда Раздолбай женится, ему будет где жить, и «однушку» стали время от времени сдавать. Называли ее «та квартира». Небольшими деньгами, которые «та квартира» приносила в семейный бюджет, мама очень дорожила. Она тяготилась зависимостью от мужа и ездила иногда на метро, чтобы сберечь

выданную на такси пятерку, или ходила по коммиссионным в поисках кофточки дешевле, чем в магазине. Сэкономив и отложив несколько рублей, она была счастлива, словно заработала, и лелеяла свою заначку, чтобы потом истратить ее на сына.

Первое время Раздолбай относился к дяде Володе как к постороннему, и ему даже не приходило в голову, что они с мамой живут в его доме. Но как-то мама и дядя Володя поссорились, и Раздолбай крикнул из своей комнаты:

— Мама, что бы там у вас ни было, я на твоей стороне!

Он хотел показать, что считает постороннего дядю заведомо неправым, и был уверен, что дядя, сознавая себя чужим, согласится с этим и от мамы отвяжется. У дяди оказалось другое мнение. В тот же вечер он провел с Раздолбаем воспитательную беседу, в которой объяснил, что безответственно брать чью-то сторону, не вникнув в суть конфликта; что конфликта к тому же нет, а есть проблемы, и решать их надо сообща, а не делиться на правых и виноватых, потому что теперь они — одна семья.

Беседа маленького Раздолбая не убедила. В его представлении, дядя Володя не понимал, что они с мамой заодно и главные, а он один и вообще ни при чем. Чтобы вразумить его, Раздолбай выбрал момент, когда отчим болел, и положил ему спящему под подушку заведенный будильник. Он ожидал, что дядя Володя покорно засмеется, признавая августейшее право шутить над собой подобным образом, но крепко получил по шее и побежал искать заступничества у мамы. От нее Раздолбай получил еще сильнее, и так стало ясно, что дядя Володя не посторонний и с этим нужно считаться.

Уважение дядя Володя завоевал позже, когда слова «жрать» и «работа» обрели в сознании подросткового Раздолбая неразрывную связь, и он понял, что только благодаря отчиму они с мамой живут в достатке и ни в чем не нуждаются. Впрочем, достаток не означал изобилие. Дядя Володя считал, что детей нельзя баловать, и покупал Раздолбаю вещи строго по необходимости — одни хорошие джинсы, одни выходные кроссовки, единственный парадный свитер. Магнитофон у него

появился только в девятом классе, хотя многие ребята увлекались записями еще в седьмом. Главным меломаном класса считался усатый мальчик со странной фамилией Маряга. Он слушал неведомых Раздолбаю монстров рока на громоздкой аппаратуре с большими черными колонками, и Раздолбай всегда испытывал к нему почтительную зависть непосвященного. На первом уроке НВП их посадили за одну парту, и, рисуя на резиновой щеке учебного противогаза готические буквы AC/DC, усатый фэн тяжелого металла невзначай спросил:

— Ну, как тебе родители аппаратуру не купили еще?

— Нет, — отчего-то виновато ответил Раздолбай.

— Так ты потребуй!

Виноватый Раздолбай развел руками и издал смешок, который однозначно переводился как: «У них потребуешь...»

Требовать чего-либо у родителей Раздолбай никогда не решался, а если приходилось просить, всегда чувствовал, как потеют руки и сжимается от почтительности в голосе горло. Решай судьбу раздолбайских желаний податливая мама, редкие просьбы не сопровождались бы таким волнением, но главным в доме был дядя Володя, а перед ним Раздолбай терялся и робел, как пигмей перед великаном. Он даже не смел называть своего отчима на «ты», хотя тот просил об этом, и, стесняясь в то же время официального «выканья», вовсе избегал прямых обращений и глаголов с предательскими окончаниями. Приглашая отчима к столу, он говорил «еда на столе» вместо «иди есть», а подзывая его к телефону, сообщал «там звонят», вместо «возьми трубку».

Сложнее всего было говорить о дяде Володе в третьем лице или окликать его. Называть приемного отца по имени-отчеству казалось чересчур официальным, по имени — панибратским, а добавлять слово «дядя» к имени человека, с которым живешь в одном доме, с каждым днем становилось все более неловко.

— Дяди по улице ходят! Сколько я вам «дядей» буду? — психанул однажды отчим, услышав, как мама и Раздолбай называют его между собой «дядя Володя».

— А как ему тебя называть? — спросила мама.

— По имени и на «ты».

— Хорошо, — согласился Раздолбай, но преодолеть барьер не смог. В тот же вечер приемный отец услышал у себя за спиной вежливое покашливание вместо оклика и обезличенную фразу: «Мама там блины с яблоками приготовила. Очень вкусные получились».

— И что? — с намеком спросил отчим, все еще не теряя надежды.

— На столе стоят.

Трудности в общении не мешали дяде Володе считать себя настоящим родителем, и всякий раз, когда Раздолбай поступал, по его мнению, некрасиво, он усаживал его перед собой и проводил воспитательную беседу. Он умел в двух словах показать неприглядную сторону любого поступка и делал это настолько спокойно и с юмором, что как бы ни хотелось Раздолбаю оправдать себя, в конце концов он всегда признавал неправоту и сам же над собой смеялся.

Больше всего дядя Володя стремился искоренить в Раздолбае эгоизм и собственно раздолбайство. Эгоизмом отчим считал хроническое неумение думать о других.

— Было шесть сосисок. Почему тебе четыре, маме две, а мне хер? — спрашивал он, не обнаружив в холодильнике ужина, на который рассчитывал.

— Я думал, директоров на работе кормят! — оправдывался Раздолбай, не забывая обходить коварные «ты-вы».

— Ты бы еще дверь на ночь запер, может, нас там и спать укладывают, — говорил дядя Володя, и Раздолбай, стыдливо хихикая, клялся следить отныне, чтобы еды в холодильнике оставалось ровно на троих. Клятвы, однако, не мешали ему съесть на следующий день банку соленых огурцов, припасенную мамой для новогоднего салата, или растащить блок мятной жвачки, купленный отчимом для борьбы с сигаретным змием.

Раздолбайство приемного сына беспокоило дядю Володю больше, чем его эгоизм. До восьмого класса он прилично

учился, вовремя приходил с улицы, а в свободное время кропотливо клеил модели самолетов или печатал в ванной на шелканье «Зенитом» фотографии. К десятому классу он прочно утвердился на тройках, понятия не имел, что делать после школы, а вместо фотографий и самолетов увлекся тяжелым роком и гулянием до двенадцати ночи с Марягой, ставшим лучшим другом после появления у Раздолбая двухкассетного магнитофона. Отчим забил тревогу. Чтобы подтянуть учебу, мама наняла репетитора, но тот оказался мягким человеком и быстро превратился в приятеля за пять рублей в час, который два раза в неделю болтал с Раздолбаем о жизни и делал за него уроки. Вскоре Раздолбай уже с трудом решал простейшие задачи, а его сознание все больше заволакивалось туманом от бездеятельности.

Раздолбай был не глуп, но совершенно безволен, и этим объяснялась произошедшая с ним перемена. До восьмого класса учеба давалась относительно легко, и способностей хватало, чтобы получать четверки, почти не занимаясь. Как только задачи усложнились и потребовалось напрягаться, у него словно сгорели предохранители. Везде, где требовалось усилие, умирало желание. Он хотел наверстать учебу, но вместо того чтобы заставить себя сосредоточенно думать, легче было перестать хотеть и с помощью репетитора тянуть на тройках. Он начинал отжиматься от пола, чтобы улучшить свою птичью фигуру, но начинание забывалось после первой же боли в мышцах. Даже к самолетам пропал интерес, когда Раздолбай узнал, что «гэдээровские» модели собирают «чайники», а настоящие коллекционеры покупают на толкучке «правильные» модели завода «Огонек» и делают из них шедевры миниатюризации, раскрашивая детали нитрокрасками с помощью аэрографа. Склеить «правильную модель» было последним сильным желанием Раздолбая. Он нашел толкучку в «Детском мире» и купил там коробку, с крышки которой дерзко скалился раскрашенный под акулу истребитель «Фантом». Внутри коробки оказались грубые, плохо стыкующиеся детали, и корпус самолета пришлось буквально лепить, заде-

львая щели размоченным в ацетоне пластиком. Обустройство покрасочного цеха на балконе квартиры стоило Раздолбаю джинсов. Подключая компрессор аэрографа к автомобильному аккумулятору, он залил обе штанины кислотой, и они развалились на ногах, как рублища на мертвецах в клипе Майкла Джексона «Триллер», отрывок из которого показывали в передаче «Международная панорама», иллюстрируя падение американских нравов. Первое же включение аэрографа положило делу конец. Неудачно подобранный растворитель краски разъел пластмассу, и крылья «Фантома» словно оплавившись от выстрелов фантастического бластера. Делать «правильные» самолеты оказалось так же трудно, как наверстывать учебу, и последний волевой предохранитель выбило. Раздолбай купил новый «Фантом» взамен испорченного и спрятал его в ящик стола, чтобы собрать когда-нибудь позже.

Собственное безволие угнетало Раздолбая, и от тяжелых мыслей он уходил на улицу. Там забывалась горькая необходимость все время преодолевать что-то, и можно было весело сидеть со школьными приятелями на лавке, курить и ждать, не пройдет ли мимо одноклассница по кличке Цыпленок, к которой Раздолбай пылал безответной страстью. К двенадцати ночи он, отдохнув душой, заедал зубной пастой запах курева, отплевывался щиплющей язык жижей и шел домой, чтобы, подавляя зевоту, выслушать очередную воспитательную беседу отчима.

Дядя Володя переживал за приемного сына как за любимую команду, проигрывающую 2:1 в полуфинале. Он говорил, что Раздолбай находится в стадии продления детства и теряет стартовые позиции; что нельзя стать кем-то, никем не пытаюсь стать; что поздние гулянки имеют дурное продолжение и что, не дай Бог, Раздолбай попробует выпить.

— Я позволю себе ударить тебя только в одном случае — если ты попробуешь спиртное, — заканчивал беседу дядя Володя и задумчиво добавлял: — Может быть, я даже сломаю тебе руку.

Несмотря на угрозы отчима, спиртное Раздолбай попробовал и по достоинству оценил. В середине десятого класса, когда родители уехали на три дня, он радостно откликнулся на предложение четырех одноклассников распить на квартире Маряги бутылку медицинского спирта. На закуску купили триста граммов любительской колбасы и две пачки пельменей. Спирт перелили в большую бутылку, разбавили водой и долили терпким самодельным вином из черноплодки. Пельмени дымились в большой миске, нарезанная кубиками колбаса громоздилась на блюде, а потеплевший спирт ждал первого тоста в чайных чашках с лиловыми розочками. Брат рюмки Маряга запретил по конспиративным соображениям.

— Рюмки пыльные, «черепа» в пять с работы придут, увидят — чистые, сразу поймут, что пили, — объяснил он.

Раздолбай был единственным в компании, кого не ждали дома, и его не сдерживал страх недостаточно заесть запах и быть пойманным. Он резво ушел в отрыв и очень скоро лежал в ванной на приготовленной к стирке куче белья, цитируя дневник блокадницы Тани Савичевой, запавший в память на давнем уроке истории.

— Лека умер... Дядя Вася умер... Дядя Леша умер... Мама...

Говорить «мама умерла» Раздолбай из суеверного страха не стал и переиначил дневник по-своему.

— Мама осталась жива! — крикнул он, попытавшись встать, но тут же повалился обратно, увлекая за собой таз с замоченными лифчиками.

— Пятый час, уводите его скорее! — суетился Маряга.

— Куда вести? Он идти не может!

— Хоть на лестницу!

На лестнице овеванный сквозняком Раздолбай осознал свою беспомощность и жалобно попросил:

— Чуваки... Вы только не бросайте меня.

В то время антиалкогольная кампания пошла на убыль и в отделение милиции уже не забирали за один только запах перегара, но Раздолбай был пьян настолько, что не стоял на но-